

НАУКА В ГОРОДЕ:

ОСНОВАНИЕ МОСКОВСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

This article is devoted to one of imperial Russia's learned societies, the Society of Friends of Science, Anthropology and Ethnography, or OLEAE by its Russian initials, and to its most visible enterprise, the Moscow Polytechnical Museum. Based primarily on the minutes of the meetings of OLEAE and of the museum organizing committee, the article attempts to rescue from oblivion both OLEAE and the Polytechnical Museum. The article examines the mission of the founders of OLEAE, the relationship between OLEAE and the government, and the role of a private association in the foundation of an enterprise on the scale of the Polytechnical Museum. The author argues that the Polytechnical Museum was an ambitious enterprise that not only helped stimulate public science. Founded by scientists who framed their projects in terms of a public, the museum helped create a public. In the eyes of its founders, the Polytechnical Museum was a patriotic endeavor that enhanced national prestige and civic pride. It enabled Moscow to display distinction and gain recognition as a center of industry and learning. Finally, although OLEAE functioned within a very restricted framework, its many scientific enterprises encouraged private initiative. As the product of collaboration between private associations, the municipality, and the state, the museum was an example of a budding civil society in action.

Политехнический музей в Москве, открытый в 1872 году, действующий и в настоящее время, был создан по образцу европейских музеев естественной истории, науки и промышленности и основан членами Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) в рамках мероприятий Общества по распространению науки и знаний в целях содействия развитию России.

В 1875 г. в Политехническом музее выступал с лекциями по русской истории С.М.Соловьев. Музей обладал обширной коллекцией, где были представлены все аспекты прикладной науки от сельскохозяйственных приспособлений до китобойной индустрии. Начиная с 1877 г., его сотрудники организовывали воскресные экскурсии и научные демонстрации. В 1887 г. в музее прочитал доклад о «самодвижущемся, продолговатом металлическом воздушном корабле» Константин Циолковский. Лев Толстой приходил посмотреть на демонстрацию X-лучей. Александра Коллонтай читала в 1908 г. лекции о социализме и семье, а Николай Жуковский демонстрировал свои эксперименты по аэродинамике и ветряным туннелям.

В 1913 г. поэты-футуристы Василий Каменский, Владимир Маяковский и Давид Бурлюк исполнили здесь свой «рецитал»; Каменский также прочитал лекцию «Аэропланы и поэзия футуризма». В советские годы Музей был важным центром популяризации достижений науки и промышленности¹.

Несмотря на долгую жизнь и значимость Политехнического музея для московского «пейзажа», он до сих пор фактически не изучен историками как в России, так и за рубе-

¹ Дузь П.Д. *История воздухоплавания и авиации в России: период до 1914 г.* М., 1979. С.95; *История Москвы. М., 1955 Т.5. С.397-398, 409, 428; Московский музей прикладных знаний. Воскресные объяснения коллекции. М., 1887. С. 1-6; Поздняков Н.Н. Политехнический музей и его научно-просветительная деятельность, 1872—1917 гг. // История музейного дела в СССР. М., 1957. С. 129-160.*

жом². Цель данной статьи — рассмотреть общественную миссию ОЛЕАЭ и затем исследовать его роль в основании публичного учреждения, которое стремилось сделать науку достоянием общественности³.

**Происхождение
современного
музея науки
и промышленности**

Современный музей как целенаправленно собранная коллекция, открытая для публики, обязан своим происхождением усилиям монархов, академий и ассоциаций по содействию науке и просвещению. При этом преследовалась цель, которую историк экономики Джоэл Мокир обозначил как «революция знания» или «индустриальное Просвещение». Революция в области знания стимулировала «тенденцию к созданию учреждений, которые служили бы полезному знанию, научному методу и практическому приложению науки»,

² В СССР и России история музеев изучалась в музейных исследованиях или, в случае с такими музеями, как Политехнический, в трудах по науке и технике, а не в «основной» истории. Работы по истории многих музеев можно найти в «Трудах» НИИ музееведения Министерства культуры РСФСР, особенно в «Очерках музейного дела в СССР» (Вып. I–10. М., 1957–1963).

³ Источниковую основу исследования составляют прежде всего публикации ОЛЕАЭ. В частности, «Протоколы заседаний Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (далее — Протоколы заседаний ОЛЕАЭ); подготовленная обществом работа «Московский музей прикладных знаний: Материалы для устройства музея» (далее — Материалы); и, наконец, «Московский музей прикладных знаний: Заседания Комитета музея» (далее — Заседания Комитета музея). Начиная с 1865 года, «Протоколы заседаний», а затем и «Материалы» и «Заседания Комитета музея» публиковались в периодическом издании «Известия ОЛЕАЭ», где также помещались научные работы. Хотя есть разные мнения, вероятнее всего, архив ОЛЕАЭ погиб, когда Главнаука Наркомпроса слила его (1930) с Московским обществом испытателей природы. В 1998 г. автору не удалось получить доступ в архив, находившийся еще в обработке, хотя были открыты его библиотека и коллекция фотографий.

пересекаясь со схожими проектами Просвещения в области общего блага и пользы⁴.

После Французской революции музеи (такие как Музей искусства и промышленности), предназначенные для демонстрации прогресса и содействия формированию национальной идентичности Французской республики, сделались учреждениями гражданского и промышленного образования. В XIX столетии европейские правительства и общественность старались улучшить промышленный дизайн, равно как престиж и конкурентоспособность национальных предприятий.

В 1830-е годы Британский парламентский комитет по состоянию искусств и мануфактур, обратив внимание на снижение качества производства, выдвинул предложение по созданию системы школ дизайна, а также промышленных и художественных ассоциаций. Замысел состоял в том, чтобы добиться повышения качества производимой продукции путем ее превращения в объект красоты и художественного дизайна⁵.

Всемирная выставка изделий промышленности 1851 года, более известная как Хрустальный дворец, укрепила в Британии мнение о том, что национальные изделия куда менее утонченные, чем французские и немецкие. Торговая палата приняла решение о том, что промышленный дизайн и мастерство, так же как и общественный вкус, можно улучшить не только с помощью индустриального образования, но также посредством учреждения промышленных и художественных музеев. Пиком усилий по улучшению про-

⁴ Mokyr J. *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton, 2002. P.2-3, 5, 43.

⁵ Auerbach J.A. *The Great Exhibition of 1851: A Nation on Display*. New Haven, 1999. P.9-31; Conn S. *Museums and American Intellectual Life*. Chicago, 1998. P. 123, 283; Rose M. *Culture, Philanthropy and the Manchester Middle Classes* // Kidd A.J., Roberts K.W. - eds. *City, Class and Culture: Studies of Social Policy and Cultural Production in Victorian Manchester*. Manchester, 1985. P. 103-117.

мышленного дизайна и побочным продуктом выставки в Хрустальном дворце стал Кенсингтонский музей в Лондоне, позднее переименованный в Музей Виктории и Альберта. Основанный британским правительством Кенсингтонский музей был результатом усилий правительства, частных ассоциаций и отдельных лиц, направленных на совершенствование промышленного образования⁶. Один русский посетитель отметил, что Кенсингтонский музей является образцом использования изящных искусств в промышленности и развития индустриально-художественного образования для других европейских музеев. Такие музеи, как Кенсингтонский, «распространяют в обществе убежденность в силе и значении науки и искусств, без которых все способы распространения знания никогда не достигнут цели»⁷.

Возникновение современного музея науки, промышленности и искусства получало различные интерпретации. Один взгляд выражает, по словам Маргарет Джейкоб, нарратив автономной, беспристрастной или «героической» науки. Посредством грандиозных и завлекательных выставок современной жизни и чудес прикладной науки музеи демонстрировали прогресс, достигнутый благодаря разделению труда и сотрудничеству науки, промышленности, частных ассоциаций и правительства в деле служения обществу. Музеи также помогали сформировать самобытность среднего класса, развить и укрепить иерархию ценностей, чувств и культурных устремлений⁸. Таким образом, музей

⁶ Auerbach J.A. *Op. cit.* P.125, 197-199, 214-220; Conn S. *Op. cit.* P. 196-203; *A Directory of World Museums / Hudson K.A.-ed.* N.Y., 1975. P.45, 58, 192.

⁷ Никитин Н.В. *Отчет о произведенном по поручению Императорского общества любителей естествознания осмотре заграничных музеев // Материалы II. С.30-49. — Российские педагоги и ученые были хорошо осведомлены об истории и назначении Кенсингтонского музея. См., например: Вессель Н.Х. Кенсингтонский музей и система его действий: Значение подобного музея у нас для распространения технических знаний // Записки Русского Технического Общества. 1871. Вып.3. С.127-156.*

⁸ Auzpitz K. *The Radical Bourgeoisie: The Ligue de l'enseignement and the Origins of the Third*

был важным компонентом того, что Джордж Стокинг называет «Викторианской культурной идеологией», представляя современную европейскую цивилизацию как высшую точку эволюционного прогресса, респектабельности, рационального самосовершенствования и господства над внешней и внутренней природой⁹.

Для изучения музеев, основанных в автократическом государстве, особенно хорошо подходит вторая интерпретация, которая подчеркивает роль правительств, органов городского самоуправления, делового мира, ассоциаций и частных лиц в деле развития общественной науки, формирования гражданской гордости и национальной идентичности. Государства инициировали создание многих важных музеев XIX столетия, патронировали, поддерживали и обеспечивали их денежными средствами. Организаторы музеев полагали, что они могут облегчить сотрудничество науки и производства и в то же время помочь государству в деле мобилизации естественных и человеческих ресурсов ради поддержания национального престижа. Демонстрируя успехи прикладных наук, музеи помогали формировать современную общественность¹⁰. Считалось, что наука, дейст-

Republic, 1866—1885. Cambridge, 1982; Davidoff L., Hall C. Family Fortunes: Men and Women of the English Middle Class, 1780—1850. Chicago, 1987; Elwitt S. Social Reform and the Social Order in Late Nineteenth-century France: The Musée Sociale and Its Friends // French Historical Studies. Vol.11. Spring 1980. P.431-451; Harrison C.E. The Bourgeois Citizen. Oxford, 1999. P.80, 81, 84; McCarthy K.D. Noblesse Oblige: Charity and Cultural Philanthropy in Chicago, 1849—1929. Chicago, 1982. P.ix, 77; Morris R.J. Class, Sect and Party: The Making of the British Middle Class, Leeds 1820—1850. Manchester, 1990; Idem. Voluntary Societies and British Urban Elites, 1780—1850: An Analysis // Historical Journal. 1983. March. Vol.26. P.95-118; Rose M. Op. cit.

⁹ Stocking G.W.Jr. *Victorian Anthropology*. N.Y., 1987.

¹⁰ Golinski J. *Science as Public Culture: Chemistry and Enlightenment in Britain, 1760—1820*. Cambridge, 1992; Harrison C.E. Op. cit. P.51, 56, 63, 64, 69, 86; Lowood H. *Patriotism, Profit and the Promotion of Science in the German Enlightenment: The Economic and Scientific Societies, 1760—1815*. N.Y., 1991. P.4-5; Outram D. *Georges Cuvier: Vocation, Science and Authority in Post-Revolutionary France*. Manchester, 1984. P.94, 109-110; Rose M. Op. cit. P.106;

воя в «воображаемой публичной сфере» «альтернативных ценностных систем», обладала «эмансипаторским потенциалом», особенно в условиях политического абсолютизма¹¹. В то же время музей способствовал коллективному стремлению узнавать больше о своей нации, содействуя таким образом формированию национального самосознания и самоуважения. Города строили музеи для того, чтобы развивать культурную жизнь и культивировать гражданскую гордость, продемонстрировать «мудрость и гражданское сознание» муниципального руководства, показать, что именно современное цивилизованное общество может предложить своим гражданам¹².

**Московское общество
любителей
естествознания,
антропологии
и этнографии**

Московский Политехнический музей обязан своим существованием инициативе частной ассоциации. В эпоху Великих реформ правительство дало простор широкой общественной активности, чтобы добиться поддержки своих реформаторских начинаний и омолодить нацию. Дело национального возрождения с особой серьезностью воспринималось в университетах и среди

Rupp J.C.C. The New Science and the Public Sphere in the Premodern Era // Science in Context. 1995. Vol. 8. №3. P.487-507; Russell C.A. Science and Social Change in Britain and Europe, 1700—1990. N. Y., 1983; Sutton G. V. Science for a Polite Society: Gender, Culture and the Demonstration of Enlightenment. Boulder, 1995.

¹¹ *Appleby J., Hunt L., Jacob M.C. Telling the Truth about History. N.Y., 1994. P.27, 29; Jacob M.C. Scientific Culture and the Making of the Industrial West. N.Y., 1997. P.9, 107-108, 127.*

¹² *Bennett T. The Exhibitionary Complex // Dirks, N.B., Eley G., Ortner S.B. - eds. Culture/Power/History: A Reader in Contemporary Social Theory. Princeton, 1994. P. 136; A Directory of World Museums. P.41-42; Elwitt S. Op. cit. P.433; Harrison C.E. Op. cit. P.80, 81, 84; Lynn Merrill. The Romance of Victorian Natural History. N.Y., 1989. P. 78, 97; Thackray A. Natural Knowledge in Cultural Context: The Manchester Mode // The American Historical Review. June 1974. P.686, 693.*

русской молодежи. В одной из статей нового университетского устава 1863 г. университетам давалось разрешение организовывать собственные ученые общества под наблюдением ректоров и членов администрации. Новым ученым сообществам предоставлялось право устраивать собрания для обсуждения последних достижений в различных дисциплинах и предпринимать публикации, организовывать исследовательские экспедиции, сбор частных пожертвований, руководство работой лабораторий и создание научных коллекций. Так правительство дало относительно самостоятельным организациям зеленый свет на то, чтобы взять в свои руки инициативу по распространению образования¹³.

В 1862 г. группа естествоиспытателей — специалистов, любителей и студентов, — связанная с Московским университетом, начала проводить встречи, регулярно делиться результатами научных разработок и новостями из Европы. Так как с 1861 г. запрещались несанкционированные публичные собрания, эта новая группа не афишировала свои заседания, но на них родилась идея создания ассоциации специалистов и любителей, которая могла бы мобилизовать средства для изучения науки. В описании истории общества, подготовленном самими его членами, отмечалось, что группа «не располагала иными средствами, нежели вера в свое предназначение и наличие истинных друзей, готовых помочь полезному делу»¹⁴. В эпоху все большей специализации в науке и технике, учитывая размеры страны, где специалисты были разобщены между собой, новое общество должно было быть доступным для неспециалистов,

¹³ *Vucinich A. Science in Russian Culture, 1861—1917. Stanford, 1970. P.77; Общій Устав Императорских Россійских Университетов // Полное собрание законов Россійской Имперіи (далее — ПСЗ). Собрание II. Т.38. Отд. I. СПб., 1866. №39752; Токарев С.А. История русской этнографии: Дооктябрьский период. М., 1966. С.284.*

¹⁴ *Архив Россійской Академіи наук (далее — Архив РАН). Ф.446 (А.П.Богданов). Оп.1 а. Д.59 (Материалы по ОЛЕАЭ). Л.9. О майских правилах см.: Hamburg G. Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828—1866. Stanford, 1992. P.218.*

проводить собрания, открытые для широкой публики, и готовить публикации на русском языке¹⁵.

Душой всех этих дискуссий был Анатолий Петрович Богданов, зоолог, профессор Московского университета. Родившийся в 1834 г. в деревне в Воронежской губернии, Богданов в 1855 г. окончил Московский университет. Год преподавал в сельскохозяйственной школе при Московском обществе сельского хозяйства и совершил несколько зарубежных поездок в целях осмотра зоологических садов и музеев, а в 1863 г. начал трудиться на родном факультете университета. В своих стремлениях к популяризации науки Богданов нашел единомышленника в лице геолога Григория Ефимовича Щуровского. Родившийся в Москве в 1803 г. Щуровский поступил в Московский университет в 1822 г., где изучал медицину. В 1832 г. он стал лектором по естественной истории на медицинском факультете. Он одним из первых среди русских ученых предложил изучение антропологии и сравнительной физиологии как отдельных дисциплин. В 1835 г. перешел на новое отделение геологии и минералогии¹⁶.

Помимо проведения исследований и преподавательской работы, Щуровский выступал с публичными лекциями, стремясь к популяризации изучения науки в России. В част-

¹⁵ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. №1 (14 мая 1864 г.). Вып. 1. Стб. 5. См. также: Курсанов В.В. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском государственном университете // Ученые записки Моск. гос. ун-та: Биология. Юбилейная серия. 1940. Вып. 53. С. 363. — В то время самоутверждавшиеся новые группы отделялись от академий и салонов, более старых и устоявшихся центров патронажа искусства и науки, которые считались слишком чопорными, официальными и изолированными от проблем современной жизни. Большинство европейских научных обществ по своему происхождению были продуктом постепенного преобразования группы лиц, связанных чувством братства, в узаконенную организацию. Это имело вид спонтанного зарождения, «естественного процесса» (Chaline J.-P. Sociabilité et érudition: Les sociétés savants en France XIX-XX siècles. Paris, 1995. P. 70-71).*

¹⁶ *Райков Б.Е. Григорий Ефимович Щуровский: Ученый, натуралист и просветитель. М.; Л., 1965. С. 7-8, 17, 34, 58-60.*

ности, он выступил с речью на Первом съезде естествоиспытателей и врачей в 1867 г. в С.-Петербурге¹⁷. Богданов заручился поддержкой декана физико-математического факультета Августа Юльевича Давидова. Давидов стал основным покровителем группы молодых естествоиспытателей и обратился к руководству университета с призывом основать новую организацию. В 1863 г. Ученый совет Московского университета утвердил устав Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и отправил свои рекомендации министру народного просвещения, который, в свою очередь, разрешил создание нового общества в 1864 г. Щуровский стал его первым председателем¹⁸.

С самого начала новое объединение ясно сознавало свою патриотическую и общественную миссию. Наука в России все еще переживала детский возраст, утверждали Богданов и Щуровский, и вообще считалась сферой господства европейцев. В отличие от ученых обществ, основанных для того, чтобы продвигать науку, ОЛЕАЭ было основано, чтобы продвигать Россию. Его предназначение состояло не в том, чтобы «отделять Россию от западной науки», а в помощи развитию самостоятельной науки в России, чтобы «утвердить национальный характер российской науки» и «сделать науку русской, отечественной». «В послед-

¹⁷ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ, №27 (15 октября 1867г.). Стб.109-110; Щуровский Г. Об общедоступности или популяризации естественных наук // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Январь. С.39-52. См. также: Липец П.С., Макашина Т.С. Роль Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в организации русской этнографической науки // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Т.III. М., 1965. С.40; Райков Б.Е. Указ. соч.*

¹⁸ *Подробности основания общества см.: Архив РАН. Ф.446. Оп.1 а. Д.59. Л.11-12; Российский государственный исторический архив. Ф.733. Оп.142. Д.92. Л.1-10. Устав общества опубликован в: Протоколы заседаний ОЛЕАЭ, №1. М., 1866. С.1-2. См. также: Богданов В.В. Пятидесятилетие Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1863—1913. М., 1914. С.25; Каблуков И.А. Из воспоминаний о деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии // Природа. 1913. Декабрь. С.1463-1470; Райков Б.Е. Указ. соч. С.68-69.*

нее время, к общей радости, мы замечаем поворот от Запада к Востоку, замечаем тот живой интерес, который начинает проявляться ко всему, касающемуся России, или, что еще более важно, начинают сознавать, что изучение чужого или других стран должно быть только дополнением к изучению своего или отечественного. Явление самое отрадное!»¹⁹. Для того чтобы сделать изучение России приоритетным, основатели ОЛЕАЭ предлагали, во-первых, способствовать вступлению русских ученых в сообщества ученых в России и, во-вторых, популяризировать прикладную науку.

Члены правления рассматривали задачу ОЛЕАЭ как расширение учебных функций университета с целью «обеспечить страну широким слоем подготовленных ученых»²⁰. Подобно Русскому географическому обществу, ОЛЕАЭ бралось публиковать свои материалы не «в искусственном парнике иностранного языка», недоступном для нарождавшейся русской интеллигенции, а на русском²¹. Чтобы помочь молодым ученым проводить исследования и представить их изыскания сообществу русских ученых и любителей, ОЛЕАЭ создало национальную сеть членов-корреспондентов. Более того, децентрализованная организационная структура и значительная автономия отделений, предусмотренные уставом общества, расширяли возможности молодых исследователей и любителей для вхождения в сообщество российских ученых. Автономные отделения общества организовывали и координировали работу любителей по сбору данных и наблюдениям в естественной

¹⁹ *Выдержки из адреса Щуровского к 22 заседанию Общества (23 апреля 1867 г.), непосредственно перед открытием Этнографической выставки // Известия ОЛЕАЭ. Т.3. Вып.2. Стб.65-66.*

²⁰ *Курсанов В.В. Указ. соч. С.364; Из Москвы // Голос. 1871. 30 июля.*

²¹ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. №1. Стб.9; Линец П.С., Макашина Т.С. Роль Общества... С.117.*

истории и экспериментальной науке²². Наконец, основатели признавали, что русская наука отставала от европейской, особенно по части вспомогательных средств, которые тогда считались столь же важными в научном образовании: научные коллекции, библиотеки, лаборатории, учебные инструменты и книги. Если создать или увеличить такие средства и оборудование и сделать их более широко доступными, русским ученым не придется «ехать за море, чтобы проходить азбуку научных исследований в заграничных лабораториях»²³. Чтобы сделать науку отечественной, надо готовить русских ученых.

Приоритет изучения России и покровительство русским ученым, однако, были адресованы тем, кто уже владел научным знанием. А что же с теми многочисленными русскими, которые им не владели? Вот для них-то и было предназначено второе направление деятельности ОЛЕАЭ. Оно состояло в том, чтобы популяризировать науку и распространять интерес к прикладным знаниям среди широких слоев населения. Основатели полагали, что общество должно «идти в ногу со временем» и быть доступным для широкой публики. Считая, что создание знаний — теоретическое исследование — уже является прерогативой других институтов, таких как Академия Наук в Петербурге, члены правления ОЛЕАЭ утверждали, что Россия прежде всего испытывала нужду в распространении и популяризации науки. ОЛЕАЭ должно было «вывести знание из кабинета ученого» и сделать его «умственным достоянием» всего населения. Россия испытывала недостаток не только в теоретическом знании, но, как смело утверждал Щуровский, «в числе людей, которые могут использовать это знание».

²² *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. №12 (14 октября 1865 г.). Стб. 157; Курсанов В. В. Указ. соч. С. 357.*

²³ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. №27 (15 октября 1867 г.). Стб. 108-134; Богданов В. В. Пятидесятилетие... С. 25.*

ОЛЕАЭ, как отмечали члены правления, могло сделать великое дело, осуществляя «демократизацию знания»²⁴.

Во время основания ОЛЕАЭ основными средствами популяризации прикладной науки и демонстрации полезного знания были музей и выставка. «Опыт показал», отмечал Богданов, «что ни публичные лекции, ни популярные сочинения» не могут дать публике столько информации, как это могут сделать выставки коллекций²⁵. Члены правления ОЛЕАЭ решили, что Москве требуется специальное помещение для демонстрации материалов как средство просвещения публики и стимулирования интереса к прикладной науке и российской естественной истории. Более того, музей должен был стать для ученого общества способом привлечь широкую публику к участию в своих проектах. «Наши музеи, по самому характеру своему, должны быть учебными и в то же время русскими музеями», — заявлял Щуровский²⁶.

Новый Румянцевский публичный музей (переведенный из С.-Петербурга в Москву в 1862 г.) создал первые возможности для того, чтобы реализовать на практике эти идеи²⁷. Основатели ОЛЕАЭ направили свою энергию на

²⁴ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. №1. Стб.2-3; №27. Стб.109-110; Богданов В.В. Пятидесятилетие... С.33; Токарев С.А. Указ. соч. С.284.*

²⁵ *ОЛЕАЭ. Всероссийская этнографическая выставка. М., 1867. С.3.*

²⁶ *См. адреса Щуровского в: Богданов А. П. Задачи будущего по отношению к Московскому Политехническому музею // Заседания Комитета музея за 1877—1882 годы (30 мая 1877г.). С.1-13; Он же. Образовательный политехнический музей в Москве // Материалы I. С.13-21; Протоколы заседаний ОЛЕАЭ, №27. Стб.108-112; VIII (21 октября 1870 г.). С.13-21; Доклад Комиссии по устройству общеобразовательного музея прикладных знаний // Московская городская дума. Доклады (25 августа 1870). М., 1870. С.6; Протоколы заседаний ОЛЕАЭ(1874—1876).С.22.*

²⁷ *Подробнее о Румянцевском музее и его переводе в Москву см.: Dianina K. Nation on Display: Russian Museums and Print Culture in the Age of the Great Reforms. Unpublished Ph.D. dissertation. Harvard University, 2002. Ch.7. P. 1-9; Кестнер К.И. Материалы для исторического описания Румянцевского музея. М., 1882; Московский и Румянцевский музеи // Пятидесятилетие Румянцевского музея 1862—1912: исторический очерк. М.,*

расширение новой этнографической коллекции Дашкова в Румянцевском музее²⁸. Чтобы приобрести коллекцию и подготовить широкую публику к восприятию более научной и систематичной природы музея, Богданов предложил организовать этнографическую выставку. Последняя, в итоге, состоялась в 1867 г. Однако самым значительным наследием ОЛЕАЭ было основание Московского политехнического музея.

ОЛЕАЭ и музей прикладных знаний

Идея создания российского музея прикладных знаний была синтезом нескольких тем. ОЛЕАЭ потребовалось полстолетия обсуждений этого проекта с участием заинтересованных сторон. Еще в 1791 г. члены Вольного экономического общества начали собирать для музея изделия крестьянского ремесла. В 1803 г. это общество стало раз в неделю открывать для публики свою коллекцию, «кабинет природы». С 1845 г. выборгский купец И.С.Вавилов, член Географического общества, подарил Вольному экономическому обществу свою коллекцию различных изделий и тем заложил основу музея народного ремесла. Восемь лет спустя общество поставило вопрос об основании музея проектов и машин из моделей инструментов и сельскохозяйственных приспособлений, которые ему присылали в течение ряда лет³⁰.

1913. С.3-9.

²⁸ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. №9 (14 мая 1865 г.). С.118; Протоколы заседаний этнографического отделения ОЛЕАЭ. №27 (22 декабря 1877 г.). С.4.*

²⁹ *Московская городская дума. Доклады Комиссии (25 августа 1870 г.). С.6; Проект Политехнической выставки Императорского ОЛЕАЭ. М., 1869. С.5.*

³⁰ *Ходнев А.И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С.491-493, 499.*

В 1820г. князь Д.В.Голицын, Московский генерал-губернатор и председатель Московского общества сельского хозяйства, предложил организовать выставку сельского хозяйства и торговли, которая, по его мнению, должна была стимулировать повышение производительности труда в России. Через 40 лет общество предложило основать сельскохозяйственный музей. В то же время правительственные, предпринимательские и образовательные круги принялись обсуждать идею основания музея прикладной науки, по образцу недавно открытых музеев промышленности и искусств в Париже и Лондоне. В 1857 г. московские заводчики А.П. и Д.П.Шиловы, С.А.Алексеев, К. и Я.Прохоровы, Е. и И.Гучковы, Иван Хлудов, Е.И.Циндель и И.И.Четвериков обратились в Министерство народного просвещения. Они ходатайствовали об открытии в Московском университете инженерного факультета, причем факультету должны были принадлежать лаборатория и промышленный музей. Московские отделения мануфактурного и коммерческого советов Министерства финансов поддерживали идею создания музея промышленного искусства при Строгановском училище технического рисования³¹. Однако все эти инициативы наталкивались на трудности с приобретением значительной научной коллекции и, как представлялось, с подготовкой широкой публики к восприятию научного музея, а также с отсутствием подходящего здания для большого музея.

В 1860 г. редакция «Указателя Экономического» (еже-недельный журнал по политической экономии, издаваемый либеральным экономистом Иваном Вернадским) озвучила мысль о необходимости научного музея. Начали с заявле-

³¹ Доклад Комиссии по устройству в Москве политехнической выставки // Доклады Московской городской думы (25 августа 1870 г.). С.3. — Этот и другие доклады были объединены в томе, заказанном ОЛЕАЭ, в котором прослеживается создание музея: Московский музей прикладных знаний: Материалы, касающиеся устройства музея, речи, произнесенные при его открытии, и Высочайше учрежденного комитета музея. М., 1874.

ния о том, что в Европе музеи широко используются как средство образования. В России же таких учреждений немного, а те, которые имеются, либо недоступны для широкой публики, либо не дают систематического представления о знании. Поэтому русские музеи не удовлетворяют текущим потребностям общества. Редакция рекомендовала открыть для публики имеющиеся коллекции, подготовить систематические каталоги, организовать экскурсии по воскресным и праздничным дням, оказать финансовую поддержку публичным лекциям по разным отраслям знаний³².

На передний план выступило ОЛЕАЭ. Масштаб, планирование, патронаж и общественный призыв Этнографической выставки 1867 года навели его членов на мысль о том, что можно делать³³.

Вскоре после закрытия Этнографической выставки Щуровский назначил комиссию под председательством Богданова для исследования возможностей увеличения научной коллекции университета и организации публичных лекций для ознакомления публики с достижениями в области физики и механики. Получив правительственную субсидию в 2000 рублей, А.П.Богданов и А.С.Владимирский (физик, член ОЛЕАЭ) совершили поездку по научно-техническим учреждениям Англии, Франции и Германии для приобретения инструментов и машин, которые можно было бы использовать для демонстрации в публичных лекциях. В то

³² Указатель экономической. №22 (28 мая 1860г.). С. 1-3. — Статья «от редакции» не была подписана, но ее автором, скорее всего, был либо Иван Вернадский, либо В.П.Безобразов—экономисты, известные своими либеральными взглядами.

³³ Липец Р.С., Макашина Т.С. Роль Общества... С.43-46; Они же. Этнографическая деятельность Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии: К столетию основания Общества // Советская этнография. 1964. №6. С.115-129; Токарев С.А. Указ. соч. С.286. Официальный отчет о выставке 1867 года см.: Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским Обществом любителей естествознания. М., 1867; и в изданных позднее материалах: ОЛЕАЭ. Этнографическая выставка 1867 года // Известия ОЛЕАЭ. Т.29. М., 1878.

же время Щуровский предложил изучить возможность приобретения постоянной коллекции по естественной истории³⁴. На собрании ОЛЕАЭ 13 августа 1868 г. комиссия Богданова решила провести выставку достижений прикладной науки, которая послужила бы основой для создания постоянной коллекции, а также стимулировала общественный интерес к науке, технологии и промышленности. Комиссия Богданова тут же превратилась в Комиссию по устройству выставки прикладных знаний под председательством Щуровского. Результатом ее деятельности стала Московская политехническая выставка 1872 года³⁵. В мае 1870 г. министерства финансов и государственных имуществ, которые уже неоднократно контактировали с ОЛЕАЭ в связи с планированием политехнической выставки, одобрили идею ее использования как основы для постоянного музея прикладных знаний³⁶.

В то время как в Москве подогревался интерес к музею прикладных знаний, правительственные чиновники и новое Русское техническое общество принялись обсуждать вопрос о создании в столице промышленного музея. Возможно, не зная о том, что уже замышлялось в Москве, Николай

³⁴ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. №25 (14 июля 1867г.). Стб.90; №27; №34 (22 августа 1868 г.). Стб.229-230; Богданов А.П. Первый камень основания Политехнической выставки // Архив РАН. Ф.446. Оп.1 а. Д.41 а. Л.30-30 об.*

³⁵ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. №34. Стб.229-230. Позднее этот отчет был воспроизведен в официальных газетных материалах по выставке. См.: Вестник Политехнической выставки. 1872. 5 мая. №5. С.1; Доклад Комиссии по устройству в Москве политехнической выставки. С.3. — Я писал о выставке 1872 года в докладе «Science, Technology and the Public at the Moscow Exposition», представленном на симпозиуме «Science, Technology and the Public in Russia» 12 февраля 1999г. Его сокращенная версия имеется на сайте <http://www.irex.org/programs/conferences>.*

³⁶ *Доклад Комиссии. С.2. — Выставка 1872 года также имела следствием основание другого более известного музея, Имп. Исторического музея на Красной площади (См.: Dianina K. Op. cit. Ч.7. P.38-58; Разгон А.М. Российский исторический музей: История его основания и деятельности, 1872—1917гг. // Очерки музейного дела в России. М., 1960. Вып.2).*

Христианович Вессель обратился в 1871 г. к Русскому техническому обществу. Просветитель объявил, что идея основания музея «прикладных знаний» зародилась на Всероссийской мануфактурной выставке в С.-Петербурге в 1870 г. Император Александр II, посетив выставку, выразил свое удовлетворение увиденным, особенно педагогическим отделом, где были выставлены учебники и материалы Педагогического музея Военного министерства. Царь поддержал идею создания музея промышленности и искусства. Министерство же финансов, ведавшее развитием российской промышленности, назначило комиссию для изучения возможности основания такого музея. Изучив зарубежный опыт, комиссия приняла решение основать музей промышленности в С.-Петербурге. Однако она отказалась слепо следовать западным музеям, предложив расширить уже существующую структуру в окрестностях Соляного городка и предоставить его помещения для Педагогического музея Военного министерства и Русского технического общества³⁷.

Правительство одобрило предложения об основании новых музеев прикладных знаний в С.-Петербурге и в Москве. На первый план вновь выступило ОЛЕАЭ, и на этот раз Щуровский и Богданов инициировали публичную кампанию. Понимая важность поддержки на местном уровне, ОЛЕАЭ предусмотрительно обратилось к Городской думе и Городскому голове. 7 мая 1870 г. Богданов, находивший время и для исполнения обязанностей гласного Городской думы, сообщил последней о предложениях по основанию нового музея прикладных знаний и о правительственных дискуссиях по этому вопросу. Анатолий Петрович полагал, что национальный музей имеет большое значение для престижа России и что Москва лучше подходит для размеще-

³⁷ Вессель Н.Х. Как возник первый в России Музей прикладных знаний в Петербурге в Соляном городке: Из моего дневника // Русская школа. 1894. №1. Январь. С.9-30; Он же. Кенсингтонский музей. С.127-156.

ния этого музея. А потому предложил Городской думе присоединиться к усилиям московских научных организаций и предпринимательского сообщества, дабы основать это предприятие именно в Москве.

Городская дума назначила комиссию для обсуждения вопроса. Комиссия обратила внимание на нежелание С.-Петербурга «масштабно мыслить» и, что было вполне предсказуемо, рекомендовала основать национальный музей в Москве. Поддержанная ходатайствами от московских промышленников и от Московского биржевого комитета, комиссия утверждала, что С.-Петербург не является сердцем российской промышленности и потому не может ее представлять. Далее, чтобы отвлечь внимание от демонстрации отечественной «скудости и неразвитости», комиссия подчеркнула значение образования, приоритет которого отражался в оригинальном названии (Музей прикладных знаний) и в многочисленных обращениях к вопросам «общего образования». Музей, задуманный для широкой публики, должен был «обеспечить класс людей со скромными возможностями не только безвредными, но и полезными средствами для свободного времяпрепровождения». Соответственно комиссия отстаивала мысль о том, что будет лучше, если такой музей станет предприятием городского масштаба, а не отдельного ученого общества. Наконец, заимствовав мудрую идею у организаторов политехнической выставки, комиссия постаралась предупредить критические замечания «Московских ведомостей» о том, что российский музей выставит в выгодном свете европейскую промышленность. Чтобы добиться поддержки правительства, музей прикладных знаний в Москве собирался увековечить память монарха, который не сомневался в том, что надо учиться на европейских технологиях, — Петра Великого³⁸.

³⁸ Доклад Комиссии. С.2. См. также: Делла-Вос В.К. Несколько слов о проекте устройства центральных музеев в России // Материалы I. С.21-24.

НАУКА В ГОРОДЕ

В декабре 1870 г. московский Городской голова, князь Владимир Черкасский, приехал в С.-Петербург, чтобы лично действовать «в интересах Москвы». Богатый тульский землевладелец, связанный с московскими славянофилами, Черкасский обожал Токвиля и выступал за приоритет местного самоуправления перед центральным чиновничеством. Он был видным членом редакционных комиссий, готовивших Освободительный манифест 1861 г., и ревностным сторонником московского проекта. Император Александр II одобрил московский план, а Министерство финансов выделило 500 тысяч рублей на строительство и 23 сентября 1872 г. назначило комитет по устройству музея и, позднее, для руководства его работой³⁹.

Планирование музея

Почетным председателем Организационного комитета был Великий князь Константин Николаевич; двумя со-председателями — Г.Е.Щуровский и генерал-адъютант Н.В.Исаков. Последний сыграл важную роль в нескольких образовательных проектах середины столетия. Будучи в 1859—1863 гг. попечителем Московского учебного округа, Исаков инициировал перевод Румянцевского музея из С.-Петербурга в Москву. Став в 1863 г. главным начальником военно-учебных заведений, он помог с основанием Педагогического музея Военного министерства и Музея прикладных знаний в С.-Петербурге. Членами комитета были правительственные чиновники, муниципальные деятели, предприниматели и работники просвещения, многие из которых тяготели к видным славянофилам⁴⁰. Хотя, подобно евро-

³⁹ Речь, произнесенная при открытии политехнического музея 30 ноября 1872 г. товарищем почетного председателя музея Г.Е. Щуровским // *Материалы I. С.53-58. О Черкасском см.: Starr S.F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton, 1972. P. 74-79.*

⁴⁰ К их числу принадлежали: преемник Черкасского, купец-славянофил Иван Лямин, мос-

пейской практике, члены Организационного комитета были назначены правительством, он обладал значительной автономией в планировании. Комитет мог выбирать дополнительных членов, назначать директоров различных отделений музея и приглашать консультантов, чей опыт полагался необходимым в специфических аспектах планирования. Наконец, комитет мог заниматься сбором пожертвований — тем видом деятельности российских ассоциаций, за которым правительство особенно тщательно следило⁴¹. 30 ноября 1872 г. Московский политехнический музей открыл свои двери во временном помещении на Пречистенке.

Организационный комитет потратил немало времени, обсуждая выбор места для строительства музея⁴². Министерство императорского двора предложило удобное место для возведения павильонов — Александровский сад, примыкающий к Кремлю. В то же время Городская дума предложила в дар участок на Лубянской площади. И какое-то время оргкомитет поддерживал идею, которую отстаивал Богданов. А именно: разделить музейную коллекцию на промышленную и естественнонаучную части и разместить их соответственно на Лубянской площади и в Александровском саду. Однако, поскольку средств для одновременного

ковский городской голова в 1871—1873 гг., два члена Городской думы, купец-славянофил А.Н.Крестовников и К.К.Шильбах, председатель Московского биржевого комитета Тимофей Морозов, два члена Биржевого общества Николай Найденов и Николай Борисовский, два члена ОЛЕАЭ А.П.Богданов и его вице-председатель Август Давидов, директор Имп. технического училища Виктор Делла-Вос, а также драматург, член правления Общества русских драматургов и чиновник московского генерал-губернаторства Владимир Родиславский (Материалы I. С.50).

⁴¹ *Высочайшее повеление об учреждении комитета для устройства в Москве музея прикладных знаний и заведования оным // Материалы II. С.48-49.*

⁴² *Этот вопрос обсуждался на нескольких заседаниях (См.: Протоколы заседания Высочайше учрежденного Комитета по устройству в Москве музея прикладных знаний // Известия ОЛЕАЭ. М., 1876. Т.22. Приложения. С.6, 14-15, 23-24, 33, 47, 75-78).*

строительства двух здании не хватало, комитет решил строить сначала на Лубянской площади⁴³.

Организационный комитет попросил помощи у Московского архитектурного общества в проведении конкурса проектов фасада здания. Была использована европейская практика демонстрации архитектурных проектов широкой публике. Архитектурные планы были напечатаны в «Материалах для истории устройства» музея и были представлены «на суд общественного мнения». Мнения о проектах были помещены в газетах «Голос», «Современные известия» и «Русские ведомости»⁴⁴. Оргкомитет одобрил представления, которым оказал предпочтение его почетный председатель, Великий князь Константин. Остановились на проекте фасада, предложенном И.А.Монигетти (архитектором императорского двора), и плане всего здания, выполненном Н.А.Шохиным (одним из членов комитета). Знаменитый архитектор В.А.Гартман спроектировал крыло здания, где предполагалось разместить залы, посвященные военной истории России, в орнаментальном русском стиле. На этой стадии комитет назначил строительную комиссию, работавшую в тесном контакте с Городской думой и состоявшую из различных подкомиссий⁴⁵.

Учитывая господство самодержавия в общественной жизни, значительная роль государства в основании музея, назначении организационного комитета и выборе строительного проекта вряд ли была неожиданной. Трудно было бы представить, признавалось в отчете ОЛЕАЭ, музей, созданный только частной благотворительностью или даже городским самоуправлением. Конечно, надо иметь в виду, что

⁴³ *Протоколы заседаний Комитета музея. 1876. С.155.*

⁴⁴ *Годичный отчет Высочайше учрежденного Комитета по устройству музея прикладных знаний // Материалы III. С.4; Протоколы заседаний Комитета музея. 1876. С.145. О схожей практике в Англии см.: Auerbach J.A. Op. cit. P.42.*

⁴⁵ *Материалы I. С.77-79; Материалы III. С.5-10; Протоколы заседаний Комитета музея. 1876. С.54-55, 60-74, 75-78, 128-129.*

существовала модель государственного вмешательства в подобные европейские предприятия. Действительно, русское правительство играло лишь второстепенную роль в планировании и управлении Политехническим музеем. По настоянию Комитета по устройству музея административная структура должна была иметь коллегиальную, а не «рутинную» структуру правительственного учреждения. Коллегиальная административная структура упрощала участие других ученых обществ в делах музея и делала его более отзывчивым к публике. «Необходимо ввести в жизнь музея все, что может увеличить его популярность, его полезность, придать ему определенную новизну... и свободу действия»⁴⁶.

Первые годы музея

Цели Политехнического музея были многообразными. Основатели, идя навстречу интересам университетских ученых, подчеркивали образовательные функции музея. В музейных отчетах многократно утверждалось, что в коллекциях сырья и машин были задокументированы процессы производства, продемонстрировано деление областей прикладного знания и показано «состояние знания» во всех отраслях науки и промышленности⁴⁷. Отделение прикладной физики, — во главе с А.С.Владимирским, не только устраивало демонстрации для лекций; оно также организовало физическую лабораторию, позволявшую проводить промышленные исследования

⁴⁶ *Протоколы заседаний Комитета музея. 1876. С.20–21, 50; Годичный отчет. 1873—1874 // Материалы II. С.3.*

⁴⁷ *Критик Владимир Стасов, говоря о многофункциональности музея, называл его особым видом образовательного опыта, который предоставлял публике «постоянно открытую книгу» о промышленности, искусстве, науке и технологии (Стасов В.В. «Московские ведомости» и Политехнический музей // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. №214; перепечатано в: Собрание сочинений В.В.Стасова, 1874—1886. Т.2. СПб., 1894. Стб.259–268).*

ния. Более того, организаторы музея приглашали зарубежных промышленников для демонстрации (в особой секции) изделий, машин и процессов, еще неизвестных в России. Упор на процессе и «состоянии знания» не благоприятствовал демонстрации российской промышленности. Щуровский часто говорил о необходимости для русских инженеров вырвать у иностранцев контроль над промышленным проектированием. А профессор И.П.Архипов утверждал, что музей должен стимулировать русских промышленников к развитию отечественной индустрии, посредничать между производителями и публикой, демонстрируя достижения первых и возбуждая любопытство и интерес у последних⁴⁸.

Один из русских отчетов об иностранных музеях отмечал, что повсюду, особенно в Англии, музеи задавали тон в развитии утонченного вкуса у «промышленных классов»⁴⁹. А.П.Богданов высказал мысль о том, что музей может быть особенно полезным для «тех, кто, в силу своего образования, отделил себя от масс... Сегодня в науке недостаточно иметь глубокое образование в одной отрасли знания; также необходимо быть широко образованным... Повсюду прилагаются усилия к дополнению образования, полученного в школах»⁵⁰. Экономист А.И.Чупров указал на то, что аудито-

⁴⁸ *Архипов И.П. Отчет организационной комиссии технического отдела музея // Материалы III. С.18-21; Владимирский А.С. Отчет комиссии по составлению коллекции прикладной физики за истекший год // Материалы II. С.29-30; Протоколы заседаний Комитета музея. 1876. С.38. — Во многих местах в протоколах заседаний имеются указания на прием пожертвований музею от производителей, нередко «натурой» (См., например: Протоколы заседаний Комитета музея 1876. С.10). Среди зарубежных экспонатов выставок были сельскохозяйственные приспособления, телеграфы, фотографическое оборудование и электрические моторы (См.: Владимирский А.С. О составе коллекции по прикладной физике в Политехническом музее // Материалы I. С.67-69; Наумов А.С. О составе сельскохозяйственного отдела в Политехническом музее ко времени его открытия // Там же. С. 62-67).*

⁴⁹ *Делла-Вос В.К. Речь о задачах музея // Материалы I. С.60-61.*

⁵⁰ *Богданов А.П. Общеобразовательный политехнический музей в Москве // Материалы I.*

рия музея представляла собой квалифицированных ремесленников, которые, «найдя [в музее] ворох новых идей, могут использовать нововведения в производстве, улучшить качество своего труда и, таким образом, улучшить свое материальное благосостояние»⁵¹.

Опубликованные стенограммы заседаний Комитета по устройству музея и ОЛЕАЭ показывают, до какой степени работники музея и члены ОЛЕАЭ восприняли идеалы прогресса посредством образования и самосовершенствования. Музей особенно гордился своей ролью в образовании для взрослых и в распространении знаний. Его основатели полагали, что, подобно школе, музей выполнял цивилизаторскую миссию. «В каждом государстве, где общественный строй покоится на трезвых, разумных основаниях и где, следовательно, идея о необходимости умственного, нравственного и материального развития приняла для большинства осознанную форму, распространение просвещения вообще, а также разнообразных научных специальных знаний должно считаться насущной потребностью»⁵². Музей, который демонстрировал свою образовательную миссию, мог мобилизовать ту латентную общественную поддержку, которую ОЛЕАЭ считало важным для успеха предприятия. Предлагая, чтобы ОЛЕАЭ основало также Антропологический музей, Богданов ссылаясь на «опыт многих других больших музеев», показывающий, «что эти учреждения всегда находили в обществе, в публике, значительную поддержку, дававшую им возможность быстро расти и развиваться»⁵³.

С.16.

⁵¹ Чупров А.И. Доклад по поводу политехнического музея в Совете Общества распространения технических знаний // *Материалы I. С.24-27. Доклад был изначально представлен правлению новообразованного Московского общества распространения технических знаний.*

⁵² Делла-Вос В.К. Несколько слов... С.21; Он же. Речь о задачах... С.59.

⁵³ Труды Антропологического отдела ОЛЕАЭ. Т.3 (*Известия ОЛЕАЭ. Т.27*). М., 1878. С.4.

С самого начала, даже когда музей располагался во временном помещении на Пречистенской улице, он привлекал к себе публику. В первые 13 лет существования музей посетили 1 360 260 человек. А в первый год после переезда в постоянное помещение на Лубянской площади посетителями музея стали более 270 000 человек. По воскресеньям, четвергам, пятницам и во все праздничные дни вход был бесплатным⁵⁴. Кроме того, музей предоставлял свои коллекции, библиотеку, аудиторию и залы заседаний для пользования различным организациям. Среди них: Общество для устройства читален и народных чтений, Общество по распространению полезных книг, Высшие женские курсы, Московское общество сельского хозяйства и Московское медицинское общество. К 1878 году 12 ученых обществ проводили в музее регулярные заседания, выполняя таким образом «одно из сокровенных желаний Музейного комитета — превратить музей в центр научной деятельности в городе»⁵⁵. Для обращения к широкой аудитории Политехнический музей использовал два тесно связанных средства демократизации знания того времени — публичные лекции и научные объяснения (демонстрации).

Во время и после эпохи Великих реформ многие российские ассоциации организовывали публичные лекции — «несомненно один из самых действенных способов распространения образования и научного знания среди населения, особенно в такой стране, как Россия». Действительно, несмотря на правительственные ограничения (или, возможно, из-за них), публичные лекции и чтения были «ужас-

⁵⁴ Музейные расходы покрывались продажами публикаций, входной платой, частными пожертвованиями (Докладная записка Московского музея прикладных знаний // Архив РАН. Ф.31446. Оп.1 а. Д.69. Л.16-17 (без даты); Отчет о деятельности Политехнического музея в 1878 г. // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. 1876—1880 // Известия ОЛЕАЭ. М., 1881. Т.37. Вып.1. С.92).

⁵⁵ Годичный отчет Высочайше учрежденного комитета по устройству музея прикладных знаний // Материалы III. С.12-13; Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. 1876—1880. С.87, 93, 166.

но популярны»⁵⁶. Политехнический музей начал проводить серии бесплатных публичных лекций по разным темам, даже работая еще во временном помещении. За первый год работы на лекциях побывали более 4 000 человек⁵⁷.

ОЛЕАЭ и Политехнический музей сыграли особую роль в постановке научных демонстраций. На организационном заседании ОЛЕАЭ 14 мая 1864 г. председатель Щуровский заметил, что публика охотно ходит смотреть на университетские коллекции, однако отсутствие экскурсий и должной подготовки посетителей снижало эффект полезности таких посещений. «Музеумы преимущественно посещаются простолюдинами, ремесленниками, купцами и вообще теми условиями, которые не посещают публичных лекций, не знакомы даже с популярными сочинениями и для которых наш музей составляет единственный путь к знакомству с предметами естественной истории». Щуровский заявил, что ОЛЕАЭ может сыграть здесь важную роль, не только устраивая публичные лекции, но также «организуя объяснения наиболее достопримечательных экспонатов и важных и любопытных фактов... которые могут быть поняты менее образованными»⁵⁸.

Политехническая выставка 1872 года показала организаторам музея преимущество наглядных, визуально более привлекательных демонстраций, которые посетители предпочитали каталогам и письменным объяснениям. В октябре 1877 г. музей начал серию демонстраций своих коллекций по воскресным и праздничным дням, «когда в музее можно было ожидать увидеть школьников и людей с самым элементарным образованием»⁵⁹. В течение первого года эти

⁵⁶ *Отчет Санкт-Петербургского комитета грамотности за 1895 год. СПб., 1895. С. 129.*

⁵⁷ *Годичный отчет // Материалы II. С. 22-23; Материалы III. С. 11-12.*

⁵⁸ *Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. I. № 1. М., 1864. Стб. 4.*

⁵⁹ *Донесение Совета Имп. Общества любителей естествознания в заседании 26 ноября 1872 г. // Материалы I. С. 46; ОЛЕАЭ. Воскресные объяснения коллекции Музея прикладных знаний, 1877—1878 // Известия ОЛЕАЭ. М., 1878. Т. 23. Вып. 4. — К 1894 году ОЛЕАЭ*

демонстрации увидело впечатляющее количество самой разнообразной публики — 23 000 человек, согласно отчетам; от 500 до 600 человек могли одновременно находиться в аудитории на просмотре одного сеанса.

Члены ОЛЕАЭ уделяли серьезное внимание вопросу о том, как привлечь широкую публику на воскресные демонстрации. В обзоре за первый год отмечено, что, если демонстрации были хорошо организованы и интересны, посетители слушали спокойно и внимательно, даже если речь шла о каком-либо специальном предмете, например, таком как молочное животноводство, добыча соли или метрическая система. Щуровский заявил, что «это не простая любопытствующая толпа, но люди, желающие именно чему-нибудь научиться, расспрашивающие друг друга и внимательно выслушивающие тех лиц, которые назначены быть истолкователями музейных предметов»⁶⁰.

«Воскресные объяснения», как их называли, вызывали определенную полемику. Руководство ОЛЕАЭ и музея знали: существует мнение о том, что привлечение в музей широкой публики на такие демонстрации просто способствовало созданию праздничной атмосферы, что публика не может воспринимать музейные коллекции серьезно. Тем не менее Богданов, Делла-Вос и другие считали, что гораздо лучше публике проводить свой досуг в музее, а не где-либо еще. И чтобы сделать музей более доступным для посетителей, правление музея предусматривало увеличение часов работы, дни бесплатного посещения, путеводители, схемы, указатели и упомянутые выше демонстрации⁶¹.

опубликовало 14 томов «Воскресных объяснений» в своих «Известиях». Десятый том содержит указатель к первым десяти годам (Указатель Воскресных объяснений коллекции Политехнического музея, 1877—1887//Известия ОЛЕАЭ. М., 1887. Т.53. Вып.1).

⁶⁰ Из замечаний Щуровского на открытии заседания ОЛЕАЭ. 15 октября 1878 г. // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ, 1876—1880. С.87; Делла-Вос В.К. Речь о задачах... С.62.

⁶¹ Воскресные объяснения коллекции (1877—1878). С.vii; Открытие Московского музея прикладных знаний (Политехнического) в здании на Лубянской площади, 30 мая 1877 года

Расхождение во мнениях внутри ОЛЕАЭ относительно серьезности публичных лекций и воскресных объяснений было не единственным противоречием вокруг этой формы деятельности. Российское чиновничество неохотно давало санкции на неофициальные предприятия по общественному образованию. Некоторые члены ОЛЕАЭ разделяли опасения Министерства народного просвещения относительно того, что публичные лекции и особенно воскресные объяснения недостаточно научны, что музей практического знания слишком много внимания уделяет демонстрации общего знания. Совет Министров, признавал публичные лекции важной образовательной функцией музея. В то же время правительство настаивало на том, чтобы правление музея придерживалось всех действующих положений, касающихся публичных лекций. Каждая лекция должна была быть заранее одобрена Министерством народного просвещения; также заблаговременно надо было представлять на утверждение конспект лекции, а в случае с курсом лекций — его программу⁶².

Основателей музея радовала разнородность музейной публики, и ради этого они были готовы преодолевать препоны российской бюрократии. Поначалу, когда музей располагался на Пречистенке, в тихом районе, населенном преимущественно дворянством, посетителями, в основном, были студенты и представители зажиточных слоев. Когда же музей переехал на Лубянскую площадь, в центр торгового квартала, стал преобладать простой народ⁶³. В.А.Вагнер, один из экскурсоводов музея 1870-х годов, вспоминал: «По

// Заседания Комитета музея за 1877—1882 годы. М., 1883. С. 14.

⁶² Государственный архив Российской Федерации. Ф.109. 3 экз. (1872). Д.94. Л.102-103, 123-127; Правила для устройства народных чтений в губернских городах // ПСЗ. Собрание II. Т.51. Отд. II. СПб., 1878. №56762.

⁶³ Воскресные объяснения коллекции (1877—1878). С.vi-vii. — Точных данных о составе музейной публики не имеется. Исследователям приходится полагаться на случайные свидетельства.

воскресеньям в музей валила толпа прямо с базара, который раскинулся тут же у Никольских ворот: публика в чуйках и платочках — словом, такая, которая до того времени ни о каких музеях не слыхала, — настоящая московская улица. А ведь как слушали, как интересовались!»⁶⁴. В написанных гораздо позже воспоминаниях профессор И.А.Каблуков отметил, что «благодаря воскресным объяснениям, которые начались в то время, когда публичные лекции, особенно для простого народа, было очень трудно организовать, Политехнический музей стал первым московским народным университетом»⁶⁵.

Заключение

При жизни одного поколения Россия приобрела значительный опыт в выставочном и музейном деле, и в немалой степени это было заслугой ОЛЕАЭ. Однако наследие Политехнического музея этим не исчерпывается. Это амбициозное предприятие было продуктом городской культуры и помогало, в свою очередь, развивать три ее черты: во-первых, распространение полезного знания и публичной науки, во-вторых, патриотизм и гражданскую гордость и, в-третьих, частную инициативу и гражданское общество⁶⁶.

Музей выставлял и демонстрировал мобилизацию естественных богатств для производственных целей. Он создавал публику и сам, в свою очередь, создавался учеными, разрабатывавшими свои проекты с расчетом на публику. «Наука процветает и укореняется там только, где она стоит на крепкой связи с обществом, — писал Богданов, — когда

⁶⁴ Цит. по: Райков Б.Е. Указ. соч. С. 70.

⁶⁵ Каблуков И.А. Из воспоминаний о деятельности Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии // Архив РАН. Ф. 446. Оп. 1 а. Д. 112. Л. 1 об.

⁶⁶ См. мою работу: *Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia* // *The American Historical Review*. Vol. 107. №4. October 2002. P. 1094-1123.

она является не исключительно замкнутой в обособленную касту ученых... Она там крепнет, где постоянно и ежедневно, кроме школ, функционируют и те учреждения, которые составляют продолжение школ, их дополнение, так сказать, общественные агитационные пункты научных интересов». Наука должна заговорить «на родном языке»⁶⁷. В многочисленных публикациях и на заседаниях члены ОЛЕАЭ заявляли, что Россия должна иметь свою науку, самостоятельную по отношению к европейской, своих учёных. Музей был составной частью быстро развивающегося в России научно-технического потенциала общества.

Политехнический музей способствовал мобилизации человеческих ресурсов на службу национальному престижу с помощью публичной науки. Такой музей был ярким средством внушения посетителю национального самолюбия. Странники создания музея менее чем через поколение после основания ОЛЕАЭ неустанно повторяли, что «русские ученые показали, что нет необходимости ехать за море, чтобы проходить азбуку научных исследований в зарубежных лабораториях»⁶⁸. Наличие такого музея, заявлял Щуровский, продемонстрирует иностранцам, что «русскому человеку присущи все умственные и нравственные задатки, при помощи которых он может и должен принять участие в деле общеевропейской цивилизации». Щуровский также обращался к скептикам внутри страны: «Многие думают, будто русский человек еще не дорос до подобных учреждений. Напротив, он до того вырос, что никогда не чувствовалось такой настоятельной потребности в подобных учреждениях, как в настоящее время»⁶⁹.

⁶⁷ Богданов А.П. *Заметки о зоологических садах: Из путевых впечатлений по заграничным зоологическим садам* // *Известия ОЛЕАЭ*. 1876. Т.25. Вып. I. С.2.

⁶⁸ Каблуков И.А. *Из воспоминаний...* С.1464. *О стимулировании национальной гордости см.: Бестужев-Рюмин Н.К. Санкт-Петербург, 30 января 1873 г.* // *Голос*. 1873. 31 января. №31 (Цит. по: *Dianina K. Op. cit. P.41*). См. также: *Делла-Вос В.К. Речь о задачах...* С.61.

⁶⁹ *Из замечаний Щуровского на открытии заседания ОЛЕАЭ, 15 октября 1878 г.* // *Про-*

НАУКА В ГОРОДЕ

В своей речи на торжественном открытии музея 30 мая 1877 г. А.П.Богданов, вспомнив о знаменитой статуе Петра работы Фальконе, которой тогда исполнилось сто лет, сказал: «Город Москва воздвиг Петру в новом общеобразовательном учреждении, посвященном естествознанию и технике, тот памятник, который всего более соответствует духу и задачам царствования Петра»⁷⁰. Через полтора столетия после Петра наследники царя-плотника усердно занимались своим делом. Такое великое предприятие, как Политехнический музей, подобно своим собратьям, выставкам 1867 и 1872 годов, было результатом частной инициативы, а не правительственного декрета. По мнению организаторов и сторонников музея, частная инициатива, «новая сила в каждом устремлении», ранее «скудная и робкая», теперь «явилась в полном блеске и силе»⁷¹. Чтобы создать такой центр полезного знания, требовались видение перспектив, серьезное планирование, организаторские способности и привлечение частных лиц. Музей был примером зарождающегося гражданского общества в действии.

токолы заседаний ОЛЕАЭ, 1876—1880. С.87. См. также: Делла-Вос В.К. Речь о задачах... С.62.

⁷⁰ *Богданов А.П. Задачи будущего по отношению к Московскому Политехническому музею // Заседания Комитета музея за 1877—1882 годы. С.1.*

⁷¹ *Цит. по: Стасов В.В. Наша этнографическая выставка и ее критики // Санкт-Петербургские ведомости. 1867. №179, 182; То же // Стасов В.В. Собр. соч. Т.3. СПб., 1894. Стб.935-948. Ссылки на частную инициативу можно также найти в: Торжественное открытие Политехнической выставки // Протоколы заседаний ОЛЕАЭ, 1872—1873 // Известия ОЛЕАЭ. М., 1874. Т.10. №2. С.хi. См. также отчет о выставке 1872 г., представленный А.Ю.Давидовым на заседании ОЛЕАЭ 15 октября 1872 г.: Протоколы заседаний ОЛЕАЭ, 1872—1873. С.22; Богданов А.П. // Заседания Комитета... за 1877—1882 годы. С.1.*